УДК 12

Кулиев Ф. М. о.[1]
Кулиева Н.В.[2]

«ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ» КАК БОЛЕЗНЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ

…Болезнь эта привита к русской жизни около двухсот лет тому назад и называется европейничаньем… [1]
И.А. Бестужев-Рюмин.

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы «европейничанья» как болезни русской жизни, получившего своё объяснение в ходе полемики Данилевского с западниками и, прежде всего, с П.Я. Чаадаевым.

Ключевые слова: «европейничанье», Данилевский Н.Я., Чаадаев П.Я., русский народ, преобразования в области культуры, цивилизация, традиции, культура.

Kuliev F.
Kulieva N.

«EUROPEANISM» AS A DISEASE OF RUSSIAN LIFE

Abstract. The article examines the main problems of «Europeanism» as a disease of Russian life, which was explained in the course of Danilevsky's polemics with Westerners and, above all, with P.Ya. Chaadaev.

Keywords: "Europeanism", Danilevsky N.Ya., Chaadaev P.Ya., Russian people, transformations in the field of culture, civilization, traditions, culture.

Проблема «европейничанья как болезни русской жизни» получила своё объяснение в ходе полемики Данилевского с западниками и, прежде всего, с П.Я. Чаадаевым (1794-1856), который взял на себя определенную ответственность осуществить анализ социального положения в России по сравнению с западными странами с целью показать насколько она убога.

Проводя анализ, Чаадаев основные свои мысли выразил следующим образом: «Мы живём в стране, о которой можно не на шутку спросить себя: была ли она предназначена для жизни разумных существ? Исторический опыт для нас не существует, поколения и века протекли без пользы для нас, общий закон человечества отменен для нас, одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его, одинокие в мире, мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, а все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Если бы дикие Орды, возмутившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем

[1] *Кулиев Фарман Мурувват оглы*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных наук. Северо-Кавказский институт-РАНХиГС, г. Пятигорск, e-mail: kyliev_farman@mail.ru
Farman Kuliev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Law and Humanities. North Caucasus Institute-RANEPA, Pyatigorsk, e-mail: kyliev_farman@mail.ru
[2] *Кулиева Наталья Викторовна*, учитель истории МБОУ «СОШ №5 с кадетскими классами имени Губина А.Т.», г. Ессентуки, e-mail: n.kulik30.mailru@mail.ru
Natalya Kulieva, teacher of history of MBOU "Secondary school No. 5 with cadet classes named after A. Gubin", Essentuki, e-mail: n.kulik30.mailru@mail.ru

устремиться на Запад, нам едва бы была отведена страничка во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы» [2].

Данилевский видя, как Чаадаев восхищается западными достижениями и что они создают благоприятные условия для «европейничанья» в России, сразу же отреагировал на эти слова, написав: «Тридцать лет тому назад появилась журнальная статья покойного Чаадаева, которая в свое время наделала много шума. В ней выражалось горькое сожаление о том, что Россия, вследствие особенностей своей истории, была лишена тех начал (как, например, католицизма), из развития которых Европа сделалась тем, что она есть. Соболезнуя об этом, автор отчаивается о будущности своего отечества, не видя и не понимая ничего вне европеизма» [3].

Но в деятельности Чаадаева были и моменты, когда он восхищался деятельностью русского царя Петра I. В частности, он пишет, что «Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад, с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу, там Данилевский видел набольшие ошибки, допущенные Петром Великим, который, влюбившись в Европу, решил сделать и Россию Европой» [3].

В своей книге «Россия и Европа» Данилевский напишет: «Видя плоды, которые приносило европейское дерево, он заключил о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским, еще бесплодным дичком (не приняв во внимание разности в возрасте, не подумав, что для дички, может быть, не пришло еще время плодоношения), и поэтому захотел срубить его под самый корень и заменить другим… Такой замен возможен в предметах мертвых…, но по отношению к живому, образовавшемуся под влиянием внутреннего самобытного образовательного начала, такие замещения невозможны, они могут только искалечить» [3].

Размышляя о процессах европеизации Данилевский отмечает, что факт раскола русского народа на два слоя явился самым страшным в подражательстве: низший слой остался русским, а высший – до неотличимости сделался европейским. «Высшее, пишет Данилевский, – всегда привлекательно и ему стремятся подражать. В понятии народа невольно сложилось представление, что свое русское есть нечто худшее, низшее: русская лошаденка, русская овца, русская курица, русское кушанье, русская песня, русская сказка, русская одежда и т.д., что ведет к унижению народного духа, к появлению чувства народного достоинства» [3]. В результате, по мнению Данилевского, в России сложились нигилизм и последовательный материализм. С этого времени политики стали задавать себе вопрос: «Что скажет Европа?». «Европейничанье» Данилевский называет болезнью, которая заразила всю страну. Формы данной болезни он сводит к трем разрядам:

– «Искажение нового быта и замена его форм совершенно чуждыми ему формами. Начавшись с внешности, болезнь проникает самый внутренний строй понятий и жизни.

– Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву.

– Взгляд на внутренние и внешние отношения сквозь европейские очки» [3].

Данилевский обнаружил признаки «европейничанья» в следующем: он выделил два направления в реформаторской деятельности царя Петра I – это государственное и реформативное. Под государственным он имел в виду все его военные, промышленные (строительство мануфактур), административные реформы, а также строительство флота. Под реформативным он рассматривал изменения в быте, нравах, обычаях в русском обществе. Первая деятельность царя заслуживает признания, благословения потомства, а вторая деятельность требует к себе критического осмысления и критического отношения. Поясним: Россия в годы царствования Петра Великого отличалась своей архаичностью, страна была аграрной, слаборазвитой с промышленной точки зрения, постоянно испытывала нехватку рабочих рук, так как имело место крепостное право. Использование западных технологий в развитии производительных сил привело к чудовищному социальному эффекту: так как привели более жестоким, более грубым формам эксплуатации, чем формы феодально-крепостнической зависимости. Одним из по-

рождений петровской эпохи было появление посессионных крестьян – это люди, являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся в комплекте с фабрикой, это практически говорящие орудия, как их тогда называли. Их статус от рабства классического отличался лишь тем, что, являясь собственностью фабрики, они не могли быть убиты безнаказанно хозяином фабрики. Создание чиновной бюрократии при Петре I и механизма юридически разработанного функционирования государственного аппарата Данилевский считал преждевременной модернизацией государственной машины. По мнению Даниловского, российское общество первой половины XVIII века не обладало необходимыми условиями для обеспечения такого рода государственной и политической надстройкой. Главная причина состояла в том, что ни российское общество, ни государственная власть не были готовы принять идею разделения властей. По мнению Данилевского, принцип разделения властей может быть реализуем лишь в гражданском обществе [3].

Подражательство в области быта русского народа также беспокоило Данилевского: «К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставлять курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутство должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь иностранный этикет» [3]. Данилевский не единственный кто критиковал слепое подражательство с Европы. Такого же мнения был В.В. Розанов, отметивший уродливые последствия «европейничанья» на примере Святейшего Синода: «Синод с помощью чиновников следил за согласованием действий духовенства с гражданскими законами. В XVIII веке такими чиновниками преднамеренно назначались иногда атеисты или вольнодумцы, любители философии Вольтера и энциклопедистов, чтобы они могли холоднее и бездушнее давать отпор притязаниям духовенства, а обыкновенные священники стали местными духовными наблюдателями за населением наподобие становых и квартальных. При императоре Павле священники и епископы стали получать награды орденами как чиновники. Все это отвлекало духовенство от духовной стороны и развило в нем страсти светской службы» [4]. Далее Розанов отмечает, что от возглавляющих Синод обер-прокуроров зависело назначение в духовные академии и семинарии профессоров.

Необходимость преобразований во всех сферах жизни общества была очевидна. Но механическое перенесение и реализация культурных стереотипов Запада привело к подавлению потенций развития российской национальной культуры. Насильственное приобщение российского общества к внешней культуре Западного мира привело к ущербному для страны цивилизационному отторжению, обособлению господствующего класса от коренных культурных традиций как русского, так и иных народов, населяющих территорию России. Только после Отечественной войны 1812 года проявляется интерес господствующего класса к национальным истокам и формам народной культуры. Убедительные примеры того, как следует заимствовать чужую культуру, приводит Данилевский, отмечая, что греки в век Перикла перенимали у финикиян технические приемы лепного, литейного и скульптурного искусства. В свою очередь, русские мастера у византийцев заимствовали технические приемы создания икон, которые не перестают поражать воображение людей. В России, в результате такого заимствования, сформировался свой в постройке церквей определённый стиль, которые должны были и строители-иностранцы соблюдать.

Таким образом, данные факты свидетельствуют о том, что Данилевский отстаивал необходимость взаимодействия и взаимовлияния культур при сохранении самобытного народного характера искусства.

Необходимо отметить, что некоторые взгляды Данилевского были активно поддержаны, например, в вопросе сохранения общинного землепользования, в дискуссионном порядке К.Д. Кавелиным (1818–1885) –западником – либералом. Это при том, что русский либерализм имел свою специфику: так как либералами называли всех тех, кто состоял в мягкой оппозиции к самодержавию, предлагая различные проекты его реформирования. Кавелин, являясь противником насильственного разрушения общины, как и Данилевский,

отмечал, что владение и пользование общинными землями с постепенным прекращением переделов общинной земли может перейти в пожизненное арендное содержание. Поэтому он предлагал выделить небольшие фирмы для людей из общины, которые не обладают ни жаждой деятельности, богатств, ни особенным талантом, ни широким полётом, приобретений, славы, отличий. По его мнению, «личная собственность приведёт к мощному развитию промышленности и духу предприимчивости, создаст чудеса индустрии, которыми так справедливо гордятся Европа и США» [5].

Кавелин, таким образом, допускает возможность существования фермы с личной поземельной собственностью, которая служила бы единственно возможным убежищем от монополий землевладельцев и капиталистов для народных масс.

Итак, славянофильство и западничество в формировании русского общественно-политического сознания составили целый этап. И в этом не последнюю роль сыграл Данилевский. Он пришел к выводу, что началом исцеления России будет бесповоротное её обращение к национальным задачам.

Данилевский обстоятельно, аргументированно обосновал причины масштабного развития многих сфер жизни европейского общества. На вопросы: почему именно «европейская цивилизация» слилась с понятием «общая цивилизация»?; почему все народы мира пытаются копировать достижения народов Европы? Данилевский сразу дает ответ: главная причина в развитии положительной науки о природе. Он отмечает, что наука в данном случае является плодом германо-романской цивилизации, европейского культурно-исторического типа.

Данилевский отмечает, что наука составляет явление столь величественное, что перед нею как будто утрачивают свою значительность прочие стороны жизни. Например, «искусства считаются забавой, религия – суеверием, формы общественного устройства предстают как несовершенные. При таком взгляде, наука (и притом именно положительно наука о природе) как бы поглощает всю цивилизацию, становится её синонимом. Более того, все, что не подходит под эту науку, составляет тормоз, гири, путы, замедляющие шествие по пути прогресса. «Цивилизация» есть понятие более обширное, чем понятия «наука», «искусство», «религия», «политическое», «гражданское», «экономическое», и «общественное развитие», взятые в отдельности. «Цивилизация» в себе все это заключает» [3].

Итак, если понятие «цивилизация» шире понятия «наука», то и понятие «культурно-исторический» тип шире понятия «наука». Словосочетание «наука Европы» не отождествляется со словом «цивилизация». Слово «Европа» не отождествляется со словосочетанием «общая цивилизация». «Наука» выступает только как средство достижения цели, суть которого состоит в развитии всех сторон жизнедеятельности людей на основе прогресса.

Проблема «европейничанья», исследованная Данилевским, является актуальной и сегодня. Эта тема превращена в объект острой полемики в формирующемся гражданском обществе в нашей стране. Сегодня сформировалось чёткое убеждение о повышении значения традиций в культуре, необходимости учёта национальных особенностей культурного развития, бесполезности деятельности и вреде слепого копирования образцов иных культур. Современное российское общество продолжает оставаться зараженным болезнью «европейничанья». Поэтому общественности стоит прислушиваться к голосу деятелей, разделяющих точку зрения Данилевского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов/Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 152.
2. Чаадаев П.Я. Философские письма / Цена веков. М., 1991. С. 37, 42–44, 55.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 224.
4. Розанов В.В. Русская Церковь / Религия и культура. Соч.: в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 343.
5. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 108.